
С. БОНДИ

Об академическом издании сочинений Пушкина

В статье «Издание остается незавершенным» («Вопросы литературы», 1962, № 6) Е. И. Прохоров предъявляет «пушкинистам», редакторам большого (шестнадцатитомного) академического издания Пушкина, ряд обвинений: издание выпущено вовсе без текстологических комментариев; внимательному читателю остается непонятным, почему для *основного текста* того или иного произведения выбран данный источник (автограф, печатный текст, копия); никак не мотивировано применяемое в иных случаях сочетание (контаминация) разных источников. Е. Прохоров указывает ошибки в текстах печатных вариантов «Евгения Онегина», приведенных в шестом томе издания, а также крупные (с его точки зрения) недостатки справочного тома. Автор статьи упрекает издание в несоблюдении элементарных требований научности, в отсутствии элементарного внимания к читателю: редакторы не только не дали объяснений, мотивировок заключающихся в издании решений спорных текстологических вопросов, но даже не привели библиографических справок на эти темы. Е. Прохоров строго выговаривает издательству и текстологам академического издания: пусть они не думают, что «все, что смогли, они уже совершили. Нет! Академическое издание Пушкина и с выходом этого тома (справочного.— С. Б.) остается незавершенным до тех пор, пока не будут даны текстологические комментарии к каждому произведению. Успокаиваться нельзя, нужно продолжать работу и готовить второй (а может быть, и третий) справочный том с комментариями... Пушкинисты должны помнить: они в долгу перед читателями».

Да, издание осталось незавершенным. Без комментариев (не только текстологических, но и биографических и историко-литера-

турных) оно много теряет в своей научной ценности. Читатель принужден *на веру* принимать *результаты* очень большой, многолетней исследовательской работы редакторов. Не мотивированы изменения в традиционном чтении хорошо известных текстов, не объяснены причины исключения из собрания сочинений Пушкина ряда произведений, традиционно включавшихся в предыдущие издания, изменения в датировках тех или иных произведений и т. п. При отсутствии комментариев остаются неразъясненными происхождение и история замысла, процесс написания произведения (особенно это касается крупных вещей), роль его в литературной и общественной жизни, отклики критики, и т. п., и т. п.

Но и этого мало! В *полном* академическом издании Пушкина остались ненапечатанными, были отвергнуты издательством целых *два тома*, приготовленных редакторами. В одном из них были собраны всевозможные «нетворческие писания» Пушкина: автобиографические и деловые записи, выписки, необходимые ему для его статей, записи Пушкиным народных песен, буквальные переводы его с иностранных языков, пометы на полях чужих книг и рукописей и т. д. Некоторые из этих записей постоянно печатаются в изданиях, предназначенных для самого широкого читателя: народные песни, собранные Пушкиным, дневниковые записи, вроде «Услышал о смерти Рылеева, Пестеля, Муравьева, Каховского, Бестужева...» или «Видел во сне Кюхельбекера...».

В академическом издании этих текстов нет...

Также остался ненапечатанным том, заключающий в себе все рисунки Пушкина с комментариями, где в очень многих случаях указаны оригиналы многочисленных блестящих портретных набросков поэта на полях рукописей. Это исключение целого тома было сделано несмотря на то, что он был обещан читателям и подписчикам (см. редакционное предисловие ко всему изданию, напечатанное в первом томе, М. 1937: «Кроме того, особым томом издается альбом рисунков Пушкина, взятых из всех его рукописей»).

Таким образом, издание действительно осталось незавершенным, и в этом отношении претензии Е. Прохорова справедливы. Но кому адресует он эти претензии? Редакторам издания? «Пушкинистам»?

Если бы Е. Прохоров был рядовым читателем, стоящим далеко от текстологической и издательской практики, то это было бы понятно. Но профессионал-текстолог, работающий в системе Академии наук СССР, не мог не знать хорошо известной всем специалистам драматической истории юбилейного академического издания Пушкина. Е. Прохоров предпочел пойти по самому простому и безопасному пути: обвинить во всем этом, поистине ненормальном, чтоб не сказать безобразном, положении редакторов-пушкинистов. «Бойтесь пушкинистов» — старый, испытанный лозунг!

Поместив письмо Е. Прохорова на страницах своего журнала, редакция «Вопросов литературы» заставляет меня, как одного из

участников академического издания Пушкина, дать необходимые разъяснения.

Рассказывать всю двадцатипятилетнюю историю осуществления академического издания Пушкина, историю борьбы редакторов издания за высокое научное качество его, здесь нет возможности и надобности. Нет сомнения все же, что она когда-нибудь будет написана, так как в ней много поучительного и интересного. Я скажу здесь лишь о самом существенном.

Издание было задумано и готовилось с исчерпывающим текстологическим, а также с биографическим и историко-литературным комментарием. Первым был подготовлен редакторами седьмой том, вышедший в 1935 году. В комментариях, сопровождавших в этом томе тексты драм и драматических отрывков Пушкина, подробно разобраны все спорные вопросы текста, новые чтения отдельных мест, указано происхождение и место в процессе создания вещи всех вариантов, приводимых в отделе «Другие редакции и варианты». Кроме того, даны сжатые, но полные сведения о литературных источниках той или иной драмы, о процессе ее создания (где это было возможно сделать) и т. д. Несмотря на характерные для тогдашнего литературоведения увлечения «сравнительным методом», замечающиеся в некоторых комментариях, они стояли на очень высоком научном уровне и вводили в науку множество новых фактов и ценных соображений. Недаром после выхода этого тома начали появляться одно за другим исследования о драматургии Пушкина, основанные на его материалах (книги Н. Арденса, М. Загородского, Б. Городецкого).

Готовились комментарии и к следующим (по очередности выхода) томам — первому (лицейские стихи), четвертому и пятому (поэмы), четырем томам переписки Пушкина (тринадцатый — шестнадцатый), кое-что было уже набрано в типографии, кое-что подготовлено в рукописях. И в это время мы получили неожиданное распоряжение — снять вовсе комментарии в академическом издании Пушкина, печатать следующие тома только с краткими справочными примечаниями. Мотивы этого распоряжения нам сообщены не были.

Впрочем, нам было обещано, что комментарии все же будут печататься, но — отдельной серией томов, не связанной непосредственно с изданием Пушкина. Об этом же было сообщено и читателям (и подписчикам) в предисловии к первому тому, вышедшему в 1937 году уже в новом виде — без комментария (но зато в «роскошном» оформлении: большой, неудобный для чтения и работы формат, толстая бумага, золото на переплете)... В таком же виде выходили и остальные тома; седьмой том был перепечатан снова, уже без комментариев. Вот что сказано в предисловии к первому тому (стр. XIII): «Настоящее издание является публикацией одних текстов Пушкина без какого бы то ни было комментария редакторов. Прилагаемые к текстам примечания содержат только перечни источников — рукописей и изданий, принятых во внимание при пе-

чатании текста и вариантов,— и указания на время написания произведения.

Все вопросы, связанные с обоснованием текста, с датировкой, с доказательством принадлежности Пушкину печатаемых в отделе *Dubia* стихотворений, являются предметом особой комментаторской работы, неотъемлемой от изучения творческой истории произведения, т. е. истории создания и работы Пушкина над данным произведением в свете идеологических, исторических, историко-литературных и биографических фактов. *Подобного рода комментарий издается в виде особой серии трудов Редакционной коллегии издания* (подчеркнуто мной.— С. Б.). Именно там читатель должен искать ответа на вопросы, почему то или иное произведение включено или, наоборот, не вошло в издание, почему редактор предпочел то или иное чтение, почему оно напечатано в данном месте издания. В настоящем издании дается лишь результат подобных исследований, без его мотивировки». Таким образом, Е. Прохоров, говоря о неполноте издания, только повторил то, что было уже сказано в редакционной предисловии к первому тому.

В то время, когда писалось это предисловие (1936 год), мы еще верили, что обещанная «особая серия трудов» будет выходить, что уже готовые комментарии будут напечатаны, а еще не написанные — нужно спешно писать. Однако издательство и не думало выполнять это обещание, и все наши усилия в этом направлении в течение последующих лет оставались безуспешными. Некоторые редакторы превратили историко-литературную часть своих комментариев в статьи, рассчитанные на более широкого читателя, и поместили их в различных журналах. Текстологические же комментарии, уже написанные, остались в рукописи, а написание остальных, ввиду полной бесперспективности опубликования, откладывалось на будущее... Между тем один за другим умирали крупнейшие из участников издания, редакторы текстов Пушкина — Д. П. Якубович, В. В. Гиппиус, В. Л. Комарович, Г. О. Винокур, М. А. Цявловский, Б. В. Томашевский, Б. М. Эйхенбаум... То, что они знали, но не успели написать, пропало для науки окончательно, так что, составляя в будущем комментарии, придется заново проделать всю их работу...

Когда вышли в свет шестнадцать томов издания и редакторами готовились последние три тома (том «нетворческих» и мелких автобиографических записей, том рисунков и том указателей, а также дополнений и исправлений), произошло новое, неожиданное для редакторов событие. В 1949 году Сталину было доложено, что академическое издание Пушкина закончено. Об этом было торжественно объявлено в печати, участники издания получили премии,— и три тома остались за бортом издания (не говоря уже о томах комментария). Около десяти лет шла безнадежная борьба редакторов с издательством за напечатание этих томов, за то, чтобы хотя бы в отношении полноты текстов Пушкина (включая сюда и его изумительные рисунки) первое советское подлинно научное акаде-

мическое издание Пушкина отвечало своему назначению! В 1956 году Б. Томашевский, один из основных, активнейших участников издания, говорил в своем докладе на собрании Академии наук, посвященном пятидесятилетию Пушкинского дома: «Главным, действительно существенным недостатком издания является то, что оно не окончено до сих пор, и вот уже восемь лет, как не напечатано ни одного тома, хотя в редакционной работе находятся еще три тома»¹.

Наконец удалось добиться выпуска одного тома (указатели и дополнения). Он вышел в 1959 году. Все попытки хотя бы в нем немного расширить тесные рамки «справочных примечаний», дать элементы подлинно текстологического комментария, встречали решительное сопротивление издательства, и большинство объяснений, сопровождающих тексты Пушкина в отделе «Дополнения и исправления», представляют собою печальный компромисс между позицией редакторов-пушкинистов и издательства.

Два других тома так и не напечатаны.

Таковы подлинные причины неполноты, незаконченности академического издания сочинений Пушкина. Нет сомнения, что в комментариях к томам стихотворений Пушкина (если бы эти комментарии были напечатаны в составе издания или отдельной серией) Е. Прохоров нашел бы научно аргументированное разъяснение его недоумений — и об источниках текста некоторых лицейских стихотворений Пушкина, и о «контаминации» разных источников для установления текста произведения... Что же касается добрых надежд Е. Прохорова найти в «справочном томе» разъяснение многого («ох, как многого!» — справедливо жалуется автор), «остающегося до сих пор неясным, непонятным, спорным в текстах Пушкина», — эти надежды представляют собою чистую утопию. Как можно было бы в одном томе, или, точнее, в части одного тома (одни указатели в нем занимают больше пятисот страниц!) поместить текстологические комментарии, мотивировки текста шестнадцати томов Пушкина, или, вернее, двадцати томов, — так как четыре тома из-за обширности пушкинского текстового материала пришлось разбить на полутомы? Для восполнения ущерба, нанесенного изданию не зависящими от пушкинистов обстоятельствами, понадобился бы еще не один и не два дополнительных тома, как предполагает Е. Прохоров, а целая «серия» их, как правильно указано в предисловии 1937 года к первому тому. Кто будет издавать эту серию?

Е. Прохоров указывает пять опечаток и ошибок в шестом томе издания в вариантах к «Евгению Онегину». Все это варианты *печатных изданий* романа, чтение их не требовало тех трудностей,

¹ Напечатано посмертно в книге: Б. Томашевский, Пушкин. Книга вторая. Материалы к монографии, М.—Л. 1961, стр. 471.

подчас почти неодолимых, которые встречают текстолога при расшифровке черновых рукописей Пушкина. Правильно, без ошибок переписать печатный текст сумел бы всякий грамотный человек. Ошибки здесь возможнѣ были лишь в результате небрежности или спешки. Как же могли возникнуть эти ошибки и опечатки в работе такого исключительно точного, безукоризненно внимательного и добросовестного до педантичности редактора, каким был покойный Б. Томашевский, готовивший «Евгения Онегина» в академическом издании?

Придется и здесь коснуться истории этой работы. Сохранилось громадное количество рукописных (черновых и беловых) текстов Пушкина, относящихся к «Евгению Онегину» (в шестом томе академического издания они занимают 443 страницы крупного формата). Редактору пришлось не только разбирать труднейшие перепечатанные и перемаранные пушкинские черновики, но и устанавливать последовательность работы поэта, давать не только все варианты (несколько тысяч!), но и последовательность их возникновения у Пушкина. Трудясь над этой сложной чисто исследовательской работой, Б. Томашевский (как и остальные редакторы издания в своих работах) сильно опаздывал со сдачей рукописи в договорный срок. А сроки эти в договорах были абсолютно невыполнимые, так как исходили из заведомо нереального распоряжения закончить все издание к 1937 году, что было так же легко сделать, как Ивану-царевичу в сказке выстроить в одну ночь дворец Кощею Бессмертному. Правда, можно было отказаться от полноты, тщательности и научной серьезности работы, но упрямые редакторы никак не хотели пойти на это...

И вот в 1936 году вышел № 10 журнала «Большевицкая печать», где была напечатана статья И. Лежнева под заглавием «Каста пушкинистов». В ней говорилось о редакторах академического издания Пушкина (преимущественно о Б. Томашевском, М. Цявловском и С. Бонди) в связи с задержкой ими сдачи томов издания, которые они редактировали. О содержании и стиле этой статьи может дать понятие следующая выдержка: «Модный пушкинист обделывает свои дела на ходу, торгуясь направо и налево. Он стал прыток, боек, оборотист. И только диву даешься, откуда у изъеденного, казалось, молью старичка этакая «оперативность». Но без тени смущения, с откровенным цинизмом прожженного рвача-деляги профессор отвечает: «Столетний юбилей ведь бывает раз в сто лет!» Далее автор раскрывает «истинный торгово-профессорский смысл приведенного изречения»: «Век проживи — такой ярмарки не будет. Лови момент! Рви, где можно!»

И все в таком же роде...

О фактической точности данных, приводимых в статье И. Лежнева, можно судить хотя бы по тому, что там сказано о моей части работы. В статье говорится, что в подготовленном мной к печати четвертом томе (южные поэмы) «на 15 листов пушкинского текста здесь приходится 60 листов комментариев. Сейчас производится

сокращение комментариев,— конечно, опять-таки по набору». Здесь все с начала до конца неверно: четвертый том не только не был набран, но еще не был готов, комментарии (делавшиеся не мной одним, а целой группой пушкинистов) были еще не готовы — сделано было листов 6—8, а мной был написан только текстологический комментарий к «Кавказскому пленнику» (около листа). Никакого сокращения, конечно, не производилось.

Резче всего И. Лежнев напал на Б. Томашевского, готовившего том «Евгения Онегина». Ему было поставлено в вину маленькое предисловие к двум поэмам Пушкина (в серии «Библиотека для начинающего читателя») и полученный им в издательстве аванс за делаемую им громадную работу. Тон и характер обвинений (как и тон всей статьи) был достаточно угрожающий (это, был 1936 год!)...

Б. Томашевский совершил настоящий подвиг, возможный только для него одного, с его необычайной трудоспособностью и железной энергией. Он почти на год отказался от службы в Пушкинском доме. Пригласив двух помощников, гораздо менее его квалифицированных в текстологии, и поручив им (под своим наблюдением) наиболее легкую часть работы, а сам занявшись основным текстологическим исследованием, работая «в шесть рук», буквально дни и ночи, почти без отдыха,— он сумел сдать этот том еще в 1936 году (чтобы не «сорвать план издательства»). Том был сдан 29 декабря 1936 года... Мудрено ли, что при такой спешной работе в этом труднейшем томе оказались и ошибки и опечатки!..

Несколько слов об указателях в справочном томе, на которые жалуется Е. Прохоров. Он недоволен тем, что, вопреки обещаниям, данным в 1935 году в статье тогдашнего секретаря издания С. Гессена, в издании отсутствуют: а) хронологический указатель произведений Пушкина, б) «алфавитный предметно-тематический указатель», в) указатель рукописей поэта и г) указатель стихотворных размеров, употребившихся Пушкиным.

Я не помню статьи С. Гессена, но никогда не слышал, чтобы названные выше указатели предполагались в составе издания. И в самом деле, одни из них совершенно не нужны в собрании сочинений, а другие не было бы никакой возможности включить в него. Хронологический указатель произведений Пушкина, если бы был составлен по отдельным жанрам, дублировал бы оглавления каждого тома, так как в самом издании произведения каждого жанра (стихи, поэмы, статьи, письма и т. д.) расположены в основном хронологически. Если бы составлялся сплошной хронологический указатель, где смешивались все жанры (письмо, строфа такой-то главы «Евгения Онегина», черновая редакция такого-то стихотворения и т. д.), то такому указателю, носящему преимущественно биографический характер, не место в *собрании сочинений*. Он является составной частью особой работы — «Летописи жизни и творчества Пушкина», первый том которой уже вышел давно, а остальные, надо надеяться, также выйдут в свет.

«Предметно-тематический указатель», очень нужный в изданиях произведений научного, критического и публицистического характера, *совершенно неосуществим* для издания поэтических, художественных текстов. Ведь в одном небольшом стихотворении Пушкина, а тем более в поэме, романе (а также письме) сколько «тем» затронута прямо или косвенно! О скольких «предметах» сказано! Да еще при пушкинской лаконичности, при том, что у него, по словам Гоголя, «в *каждом слове* бездна пространства». Список тем и предметов поэзии Пушкина, если бы он был составлен всерьез, а не поверхностно («любовь», «политика», «история», «природа» и т. п.), занял бы несколько больших томов.

«Указатель рукописей Пушкина» также не нужен в академическом издании: ведь в издании использованы и приведены *все известные* нам рукописи поэта, все они названы, указаны и в отделе вариантов, и даже в кратких справочных примечаниях. Давать же каталог пушкинских рукописей (их громадное количество!) — дело не собрания сочинений, а особого издания, которое, кажется, и готовит Пушкинский дом, где они сейчас почти все хранятся. Не место в *издании сочинений* и указателю стихотворных размеров, так же как странно было бы включать в него словарь языка поэта. Полный указатель стихотворных размеров составлен мною, но он должен быть включен в исследование о пушкинском стихе, так же как указатель употребляемых Пушкиным строфических форм был включен Б. Томашевским в его работу о строфике Пушкина.

Еще немного об указателях. Е. Прохоров выражает недоумение по поводу «отсутствия заглавий некоторых стихотворений Пушкина» в указателе его произведений. Но ведь в алфавитном указателе произведений Пушкина, помещенных в академическом издании, они даны, естественно, именно под теми заглавиями, под какими напечатаны в самом издании. А хорошо известно, какой произвол царил в прежнее время в этой области, когда редакторы считали себя вправе сами придумывать заглавия произведениям и отрывкам Пушкина. Еще в 20-х годах тогдашний видный пушкинист М. Гофман с возмущением писал: «Никому не придет в голову придумывать заглавие для стихотворений Анны Ахматовой или Александра Блока, и каждый редактор позволяет себе придумывать заглавие для стихотворений Пушкина!» Академическое издание никогда не ставило задачи давать в своем указателе произведений Пушкина все «варианты» заглавий, под которыми эти произведения были когда-нибудь напечатаны! Что же касается приводимых Е. Прохоровым примеров «отсутствия заглавий», то заглавие «Александр» (пушкинское сокращенное обозначение стихотворения «На возвращение государя императора из Парижа в 1815 году»), которое Е. Прохоров не нашел в указателе, он все же может найти на стр. 492-й, где перечислены названия на букву «А». Остальные случаи его недоумений связаны с тем обстоятельством, что иногда возникали текстологические разногласия (естественные во всякой научной работе) между коллективом редакторов боль-

шого шестнадцатитомного академического издания Пушкина и единоличным редактором малого академического десятитомника — Б. Томашевским. Стихотворный отрывок «В кругу семей, в пирах счастливых...» Б. Томашевский дает как *отдельное* неоконченное стихотворение, а в большом академическом издании редактор считает его *заключительной частью* не дошедшего до нас полностью послания Пушкина к членам общества «Зеленая лампа». Эти стихи и напечатаны в составе этой редакции (см. т. II, стр. 772). Естественно, что помещать в алфавитный указатель произведений строчки из середины стихотворения составитель этого указателя не стал. То же относится и к строчкам «Гостомыслову могилу грозную вижу» и «Есть надежда! верь, Вадим, народ натерпелся», которые не являются «набросками» отдельных стихотворений, а входят в число вариантов отрывка трагедии «Вадим» (см. т. VII, стр. 366). Они также, конечно, не введены в указатель.

Что касается «Списка произведений, ошибочно приписываемых Пушкину», на который особенно резко обрушивается Е. Прохоров, то этого списка, в сущности, не обязано было давать академическое издание: раз того или иного текста, напечатанного в старых изданиях Пушкина, *нет* в академическом издании, значит, редакция считает его не принадлежащим Пушкину. Такими лжепушкинскими произведениями прямо кишат старые досоветские, да и некоторые советские издания Пушкина! Список же, о котором идет речь, включен в издание для помощи читателю, чтобы ему не приходила в голову неверная мысль о том, что то или иное хорошо известное ему из какого-нибудь прежнего издания «пушкинское» произведение по ошибке, по небрежности пропущено в академическом издании... А то, что этот список дан без всякой аргументации, без всяких объяснений (и даже библиографии!), есть печальное следствие уже указанного выше запрещения всяких комментариев в этом издании. Е. Прохоров прав, что в этом сказывается отсутствие «элементарного внимания к читателю и не менее элементарного требования научности!» Но претензии и упреки по этому поводу надо было адресовать отнюдь не «пушкинистам-редакторам».

Печать, выражающая общественное мнение — в данном случае мнение научной общественности, — могла бы очень помочь делу завершения большого научного предприятия: полного и верного издания всех текстов Пушкина с необходимыми комментариями! Хотя бы добиться напечатания того, что уже приготовлено, написано — и десятки лет лежит неопубликованным! Существуют уже в гранках интереснейшие комментарии М. Цявловского ко всем лицейским стихам Пушкина; существуют в рукописях *готовые комментарии* Б. Томашевского к «Гавриилиаде», Г. Винокура к «Бахчисарайскому фонтану» и «Цыганам», Б. Эйхенбаума к «Графу Нулину», В. Комаровича к «Тазиту», готовый (или почти готовый) комментарий Н. Измайлова к «Полтаве», текстологический ком-

ментарий С. Бонди к «Кавказскому пленнику». Существует интересный документ, представляющий собой важную часть ненаписанного текстологического комментария к томам пушкинских статей,— составленная В. Гиппиусом и Б. Эйхенбаумом научная аргументация датировок всех критических статей Пушкина. Такая же работа сделана Т. Цявловской и Н. Измайловым для обоснования датировок стихотворений Пушкина.

Если бы можно было напечатать этот, уже готовый материал, если бы (а это еще важнее!) удалось издать недоданные читателям два тома академического издания («мелкие» записи и рисунки Пушкина),— тогда можно было бы организовать дальнейшую работу над научным комментированием текстов Пушкина и хотя бы в меру сегодняшних возможностей и сил завершить незавершенное академическое издание великого поэта.

ОТ РЕДАКЦИИ

В письме, напечатанном в № 6 «Вопросов литературы» за 1962 год, Е. Прохоров предъявил серьезные претензии к Полному собранию сочинений Пушкина, изданному Академией наук СССР в 1937—1949 годах. Некоторые текстологические решения в этом издании (например, в ряде случаев выбор источников текста) кажутся автору письма неправильными или необоснованными. Правда, Е. Прохоров признает, что, возможно, многие его недоумения рассеялись бы, если бы пушкинисты-текстологи объяснили мотивы своих решений. Но такого рода мотивировок в собрании сочинений Пушкина нет, так как нет обычного в академических изданиях комментария — с анализом истории текста, обоснованием выбора его источников, мотивировкой тех или иных чтений и т. д. Е. Прохоров выражает свое разочарование и недавно вышедшим дополнительным, справочным томом, в котором он надеялся увидеть текстологический комментарий, а нашел дополнения и исправления, опять-таки никак не обоснованные.

Трудно не согласиться со многими из претензий Е. Прохорова. Собрание сочинений Пушкина, выпущенное Академией наук, имеет существенные недостатки. Активный участник издания, один из крупнейших пушкинистов, С. Бонди в напечатанной выше статье признает многочисленные несовершенства издания. Но он возражает против пафоса заключительных строк письма Е. Прохорова, озабоченного «самоуспокоенностью» пушкинистов. «Успокоились» ли они? Отвечая на этот вопрос, С. Бонди, в сущности, затрагивает очень важную тему — тему организации сложной и ответственной работы по изданию академического собрания сочинений.

Известно, что Полное собрание сочинений Пушкина было задумано и начало осуществляться (в то время в главную редакцию издания входили: М. Горький, В. Волгин, Ю. Оксман, Б. Томашевский, М. Цявловский) как комментированное: том седьмой (драматические произведения), выпущенный первым изданием еще в 1935 году, снабжен обстоятельным научным комментарием, образцовым по богатству привлеченного историко-литературного материала, хотя и не лишенным недостатков методологического характера. Но именно этот комментарий, так же как подготовленный, но напечатанный комментарий к некоторым другим томам, вызвал резкие нарекания на пушкинистов.

Возникали естественные сомнения, насколько оправдан был чрезмерный объем комментария, громоздкий сопроводительный аппарат тома. Разумеется, надо было стремиться к максимальной краткости при максимальном богатстве содержания. Но что научный комментарий, включающий историю текста, обязательен для академического издания — это бесспорно. А ведь лишь седьмой том (в его первом издании) был комментирован. В дальнейшем этот принцип был нарушен. В начале 1937 года в предисловии к первому тому редакция предупредила читателей, что комментарий в собрании сочинений не будет (кроме перечня источников) и что комментарий «издается в виде особой серии трудов Редакционной коллегии издания», где и следует «искать ответы на вопросы, почему то или иное произведение включено или, наоборот, не вошло в издание, почему редактор предпочел то или иное чтение...». Этой серии трудов, как известно, не последовало и не по вине редакторов-пушкинистов, о чем сообщает в своей статье С. Бонди.

Отсутствие комментария, конечно, снижает научную ценность издания, но оно не может зачеркнуть большой работы, которая была проделана коллективом пушкинистов по прочтению массы пушкинских рукописей, анализу творческого процесса — без чего невозможно было дать осмысленную публикацию вариантов, — по датировке многих стихотворений и т. д. Принципы подачи пушкинских текстов, разработанные редакторами, широко используются в других изданиях (это, конечно, не значит, что все текстологические решения были правильными и что в издании нет ошибок).

И все же издание действительно не завершено. До сих пор не выполнено обещание, данное редакцией собрания сочинений в его первом томе. «Настоящее издание, — говорилось там, — представляет собой полное собрание всего, писанного Пушкиным. В него входят в первую очередь произведения Пушкина в стихах и прозе, затем переписка, автобиографические и деловые записи, а также все сделанные им записи и выписки, поскольку выписки для Пушкина почти всегда имели значение подготовки материала для творческих работ. Окончательные редакции всех произведений Пушкина сопровождаются полным сводом других редакций, вариантов, планов и т. п. Таким образом, из собрания не устранено ничего, что бы было написано собственной рукою Пушкина... Кроме того, особым томом издается альбом рисунков Пушкина, взятых из всех его рукописей». В самом деле, почему до сих пор не изданы два последних тома Полного собрания сочинений Пушкина, о которых говорится в статье С. Бонди? Когда же закончится тяжба об этих томах между пушкинистами и академическим издательством? Ведь за пределами собрания сочинений остались некоторые очень значительные документы творческого и нетворческого характера (например, записи народных сказок и песен). Напомним, что в постановлении Совета Народных Комиссаров СССР о мерах по ознаменованию столетия со дня смерти Пушкина («Правда», 4 января 1937 года) говорилось о предпринимаемом Академией наук СССР именно в о с е м н а д ц а т и т о м н о м собрании сочинений поэта.

Хотя в дополнительном томе, который послужил поводом для письма Е. Прохорова, сделано множество ценных дополнений и исправлений, работу по дальнейшему уточнению текстов, напечатанных в шестнадцати томах собрания сочинений, очевидно, также нельзя считать законченной. В самом деле, составители дополнительного тома не исправили, например, элементарных ошибок в текстах «Евгения Онегина», отмеченных Е. Прохоровым. Бросается в глаза известная неравномерность дополнений и исправлений, иногда — их случайность, что, по-видимому, вызвано направлением и границами научных интересов составителей тома.

Возможно, следовало бы возобновить или наладить целенаправленную работу организованного коллектива специалистов-текстологов, которая одновременно могла бы послужить основой для составления текстологического комментария.

От вопроса о текстологическом комментарии надо отделить вопрос об историко-литературном, биографическом и реальному комментарию. Такой комментарий, в сущности, в разных формах уже создается. Так, закончено издание четырехтомного словаря языка Пушкина, в дополнительном томе к собра-

нию сочинений помещен фундаментальный алфавитный указатель имен и названий ко всем шестнадцати томам издания, в известной мере, как сказано в предисловии к указателю, выполняющий функции комментария; наконец, будем надеяться, что в скором времени начнется издание Пушкинской энциклопедии.

Надо решить также судьбу подготовленных в свое время комментариев, которые, вероятно, в какой-то части уже устарели, но как материал для будущих исследователей и комментаторов представляют несомненную ценность.

Все эти вопросы должны привлечь внимание и стать предметом обсуждения нашей научной и литературной общественности — Академии наук СССР, Союза писателей СССР, их пушкинских комиссий.

История работы над пушкинским изданием должна бы заставить задуматься о некоторых общих принципах составления и публикации собраний сочинений писателей.

Крайне необходимо определить принципы подготовки собраний сочинений разного типа, характер их справочного аппарата и т. д. Очень опасным, на наш взгляд, является смешение издания академического типа с массовым. Широким кругам читателей, конечно, не нужен специальный научно-исследовательский, в том числе текстологический, комментарий; но ведь им не нужны и все варианты, которые обязательно должны быть представлены в академическом собрании сочинений. Пушкинское издание противоречиво. Не имея научно-исследовательского комментария, оно вполне академично по способам подачи текстов.

Когда академическое издание адресуется массовому читателю, оно поневоле в какой-то мере теряет свои научные качества. Известная непоследовательность в этом отношении есть и в выходящем сейчас массовым тиражом (более двухсот тысяч экземпляров) академическом собрании сочинений И. С. Тургенева. Эта непоследовательность выразилась, например, в исключении из третьего тома этого собрания сочинений первой редакции комедии «Месяц в деревне», представляющей значительный научный интерес.

Вопрос о научных принципах подготовки изданий классиков давно назрел. Они должны быть определены в результате широких общественных обсуждений, с тем чтобы явиться надежной основой дальнейшей практической работы в этой области как научно-исследовательских учреждений, так и соответствующих издательств.

Вопросы ЛИТЕРАТУРЫ

ОРГАН
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР
И ИНСТИТУТА
МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИМЕНИ А. М. ГОРЬКОГО
АКАДЕМИИ НАУК СССР

7-й год издания

Ежемесячный журнал

СО Д Е Р Ж А Н И Е

НА ТЕМЫ СОВРЕМЕННОСТИ

- В. ЩЕРБИНА. Главное направление . . . 3
Б. РУНИН. Уроки одной поэтической биографии (Заметки о лирике Евг. Евтушенко) 17

НАША АНКЕТА

Искусство принадлежит
народу

- Г. БАКЛАНОВ, К. ВАНШЕНКИН, Е. ВИНКУРОВ, Г. МАРКОВ, Л. ПРОМЕТ, М. СЛУЦКИС, А. ТАЖИБАЕВ, А. ТОКАЕВ, Ю. ТРИФОНОВ, И. ЧОБАНУ 46

Жизнь литературной критики

- Т. АСКАРОВ. За активное вмешательство в творческую жизнь 65

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ

- В. ЗАРЕЦКИЯ. Образ как информация . 71

Эстетическая мысль за рубежом

- М. ФРИДМАН. Дискуссии о литературе в Румынии — 92. Д. УРНОВ. Примечательная фигура в английском литературоведении — 96. О. ТИМОФЕЕВА. Эстетика «революционного Ренессанса» — 99.

(См. н/о)

2

ФЕВРАЛЬ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА

1963